

Глава 20

Шэнь Сиянь спросил, но Се Сяньюй не захотел отвечать.

— Говори, А Юй.

— Шэнь Сиянь пристально посмотрел на него и повторил.

Ладонь Шэнь Сияня лежала на его руке тяжело и ощутимо, как и он сам. Се Сяньюй чувствовал, как хватка становится всё крепче, но сам Шэнь Сиянь этого не замечал.

Боль тонкими нитями оплела предплечье. Се Сяньюй не хотел говорить, не хотел даже упоминать, и в глубине души желал, чтобы Шэнь Сиянь сжал ещё сильнее.

Прошло немало времени, прежде чем Се Сяньюй совладал с теми чуждыми ему эмоциями и произнёс:

— Ты восхищаешься Су Тин — так и добивайся её. Не впутывай меня и не своди с ней. Пусть я и не знаю причины, но мне очень больно и неприятно.

Услышав это, Шэнь Сиянь наконец понял: чёрт возьми, Се Сяньюй ревнует. Ревнует его к Су Тин.

Да иди ты.

Я, мать твою, столько сил и стараний вложил ради кого? Думал, ты сам не осознаёшь своей симпатии к Су Тин, чтобы потом не оказаться в реанимации. А ты... неблагодарный.

И ещё осмелился ревновать меня.

Раз уж хватило смелости ревновать, нашёл бы смелость пойти к Су Тин. Чего на меня срываешься?

Шэнь Сиянь мысленно выдал целую тираду, но внешне хотел объясниться. Кто ж знал, что Се Сяньюй заговорит первым:

— Раз ремонта не будет, съезжай прямо сейчас.

Шэнь Сиянь не поверил своим ушам:

— Сегодня вечером?!

Се Сяньюй смотрел на него, тон не терпел возражений, не оставлял места для манёвра, чеканя каждое слово:

— Сейчас. Немедленно. Сию же минуту.

Шэнь Сиянь рассмеялся. На его обычно улыбчивом лице не было и тени улыбки — лишь горькая ирония. Непонятно, над кем он смеялся — может, над самим собой.

Чёрт, Су Тин оказалась важнее его, «друга-доктора», с которым они росли вместе.

Хотя по роману это было правдой, но когда дело дошло до реальности, Шэнь Сиянь почувствовал невыразимое раздражение и жуткую обиду. Ему хотелось как следует врезать Се Сяньюю.

Да ладно, в конце концов, они — главные герои, а он всего лишь маленький второстепенный персонаж-помощник.

Жена важнее брата — это нормально... чёрта с два!

Шэнь Сиянь решительно поднялся наверх, в гостевую комнату, где временно жил. По своему характеру он никогда не позволял себя обижать, и хотя это была гостевая, по планировке и отделке она не уступала хозяйской спальне. Он прожил у Се Сяньюя почти месяц, в комнате накопилось много мелочей, но ничего по-настоящему ценного — выбросить не жалко.

Поэтому Шэнь Сиянь, собиравшийся подняться и собрать вещи, спустился обратно с пустыми руками. Когда он вернулся в гостиную, Се Сяньюя уже и след простыл — наверное, ушёл в свою комнату.

Шэнь Сиянь подумал и достал телефон, чтобы написать Се Сяньюю в мессенджере.

— Я ушёл.

— Если нравится — иди и добивайся, не сомневайся.

— Ты же Се Сяньюй. Тебе никто не откажет.

От усадьбы семьи Се до Минцюаньвана было недалеко. Шэнь Сиянь добрался до дома только в десять вечера. Он устал настолько, что не мог пошевелить и пальцем, пролежал на кровати без движения полдня, прежде чем нашёл в себе силы принять душ.

После душа от всей этой суеты сон как рукой сняло. Пришлось встать, вытащить из тумбочки ноутбук и от нечего делать чертить и рисовать.

116, увидев каракули Шэнь Сияня, аж зубы заломило:

— Хост-сан, ты пишешь иероглифы как курица лапой?

Шэнь Сиянь стукнул ручкой по 116, привёл мысли в порядок и лениво протянул:

— Считай это врачебным шифром.

116, вроде бы поняв, подпрыгнул:

— Хост-сан, скоро следующий сюжетный поворот.

Шэнь Сиянь безэмоционально хмыкнул.

116, казалось, прочитал мысли Шэнь Сияня:

— Хост-сан, этот поворот нельзя пропустить. Именно в этот момент чувства главных героев снова накаляются, и главный герой осознаёт, что влюблён в главную героиню.

— Я знаю.

— Шэнь Сиянь пропустил увещевания 116 мимо ушей и, приподняв бровь, спросил: — Но Се Сяньюй уже почти осознал свою симпатию к Су Тин. Разве этот поворот всё ещё нужен?

116, уже привыкший к взбалмошному характеру Шэнь Сияня, чётко ответил:

— Сюжет тщательно продуман автором, создан с учётом образов главных героев и множества факторов. Поэтому следование сюжету — наилучший путь к счастливому финалу для главных героев.

Слова 116 звучали разумно, но Шэнь Сияню почему-то стало неприятно. Он выдал 116 безупречную улыбку:

— Раз так, скажи-ка, какой образ у Се Сяньюя в книге «В плену вечной любви»?

116 просканировал весь текст и мгновенно ответил:

— Главный герой Се Сяньюй — глава семьи Се, генеральный директор «Жуйцзэ». Характер: холодный, замкнутый, мизантропичный и равнодушный. Когда-то растоптал чужую искренность, после заключил любовь в клетку и был скован ею навеки.

Шэнь Сиянь тут же холодно фыркнул:

— Стоп. Дальше не надо. Се Сяньюй из книги и Се Сяньюй, которого я знаю, — совершенно разные люди.

— Он прервал 116: — Мы с А Юем росли вместе. Я знаю его как облупленного. У него куча недостатков: привередлив в еде, дотошный, чистоплотный до мании. Но и достоинств немало: учится хорошо, работает отлично, и самое главное — он хороший друг.

Шэнь Сиянь наклонил голову и улыбнулся 116. На его приветливом лице глаза таили угрозу:

— Он совсем не такой, как ты описал. А Юй просто внешне холоден, он не равнодушен. Тот, о ком ты говоришь, — персонаж, созданный каким-то автором, бросившим писать. Это не А Юй. А Юй — это просто А Юй. Он не кто-то другой.

116 поперхнулся, хотел сказать, что Се Сяньюй и есть тот самый персонаж, созданный бросившим автором, что это один и тот же человек, но, заметив, что глаза Шэнь Сияня не смеются, благоразумно заткнулся.

116 задал только один волновавший его вопрос:

— Тогда, хост-сан, ты собираешься отступить от сюжета?

Шэнь Сиянь не стал отвечать категорично:

— Посмотрим. А Юй — мой друг, я должен подумать.

Сначала пригрозив, тут же добавил пряник:

— К тому же, А Юй так влюблён в Су Тин, что даже ревнует меня почём зря. Счастливый финал не за горами.

Он не придал значения сегодняшнему внезапному «срыву» Се Сяньюя. По его мнению, это был просто «капризный нрав», насильно приписанный Се Сяньюю тем горе-автором. Завтра, когда Се Сяньюй остынет, он всё хорошенько объяснит.

Только Шэнь Сиянь не ожидал, что гнев Се Сяньюя окажется таким затяжным. Прошло три

дня, а все его сообщения Се Сяньюю канули в Лету.

В больнице было много работы. Первые несколько недель Шэнь Сиянь умудрялся в обеденный перерыв, словно по срочному делу, мотаться в «Жуйцзэ». Но в последние дни он был так занят, что даже обеденного перерыва не осталось.

Только выйдя из операционной, Шэнь Сиянь переоделся и вернулся в кабинет. Смыв с себя усталость, он взял телефон. Разблокировав экран, он увидел всё ту же пустую строку сообщений — ни одного уведомления.

И за эти три дня 116 ни разу не подал звукового сигнала о повышении индекса сердечного трепета или прогрессе счастливого финала.

Всё вернулось на круги своя.

Шэнь Сиянь, как дохлая рыба, развалился в кресле, размышляя о возможности поменяться сменами с кем-нибудь вечером, чтобы перехватить Се Сяньюю и всё объяснить. Вдруг телефон завибрировал.

В отличие от своего общительного характера, в телефонной книге Шэнь Сияня было до смешного мало контактов. Закинув голову на спинку кресла и уставившись в потолок, он, даже не взглянув на экран, лениво спросил:

— Алло, кто это?

— Сяо Янь, это я.

Голос Се Биньюя донёсся из трубки.

Шэнь Сиянь встрепнулся и резко сел:

— Пятый дядя, что случилось?

Се Биньюй, прикрыв трубку рукой, глядя на лежащего в кровати Се Вэя, спросил:

— Сяо Янь, ты сможешь приехать в Цуйху? Мой отец внезапно потерял сознание.

Шэнь Сиянь мгновенно пришёл в себя:

— Пятый дядя, не волнуйтесь. Я сейчас буду.

Бросив эту фразу, Шэнь Сиянь повесил трубку, наскоро собрал медицинский чемоданчик, переговорил с коллегами по отделению и поехал на машине в Цуйху.

Старый господин Се Вэй был уже за семьдесят, постоянно жил в Цуйху, поправляя здоровье. Хотя он был не так крепок, как в молодости, но серьёзных хронических болезней не имел — только мелкие недомогания.

Как и предполагал Шэнь Сиянь, с Се Вэем ничего серьёзного не случилось. После приёма лекарства он должен был очнуться через пару часов.

Шэнь Сиянь, смешивая лекарство, успокаивал мечущегося рядом Се Бинъюя:

— Пятый дядя, с дедушкой Се всё в порядке. Длительное недосыпание привело к скачку давления, случился гипертонический криз. Я уже прописал гипотензивное.

— Слава богу, слава богу.

— Се Бинъюй вытер холодный пот со лба, сам того не замечая, расслабившись после нескольких слов Шэнь Сияня.

Когда тревога Се Бинъюя улеглась, он почувствовал неловкость:

— В санатории есть врачи и сиделки, но так вышло, что несколько врачей уехали на научную конференцию, остались только сиделки. Другим довериться не могу, ломая голову, вспомнил только о тебе. Ничего, я тебя не отвлечу?

— Нет.

— Шэнь Сиянь улыбнулся, ставя капельницу лежащему без сознания Се Вэю.

— Кстати, Сяо Янь, о сегодняшнем случае А Юю знать не обязательно. Боюсь, этот ребёнок начнёт переживать по пустякам.

Мне бы и рассказать некому — Се Сяньюй всё ещё дует на меня.

Шэнь Сиянь мысленно недовольно проворчал, но вслух сказал:

— Хорошо, пятый дядя.

Шэнь Сиянь понимал, почему Се Бинъюй так сказал, и, разумеется, согласился. Перед уходом, закончив капельницу, он добавил:

— Пятый дядя, когда дедушка Се очнётся, я хотел бы, чтобы вы передали ему пару слов.

Се Биньюй тихо спросил:

— Какие слова?

Шэнь Сиянь, глядя на финансовый отчёт и записи по общим проектам «Жуйцзэ» на второе полугодие, лежащие у изголовья кровати Се Вэя, прямо сказал:

— Скажите, эм... «Доверяя человеку, не сомневайся; сомневаясь — не доверяй».

Се Биньюй проследил за взглядом Шэнь Сияня и, конечно, заметил тот финансовый отчёт. Он смутно догадывался, что скажет Шэнь Сиянь, но никак не ожидал такой прямоты. Ведь все, кто знал Шэнь Сияня, были в курсе его умения говорить с людьми на их языке. Он мог бы подобрать более мягкие выражения, но выбрал именно эти.

— Если пятому дяде неудобно, я могу сказать сам.

— Шэнь Сиянь с показной заботой развёл руками: — Дедушка Се, думаю, не станет связываться с таким младшим, как я. Мои слова «доверяя — не сомневайся» можно считать минутным капризом.

Шэнь Сиянь так ловко всё повернул, что Се Биньюй, ничего не поделаешь, покачал головой:

— Ладно, ладно. Я передам. Я заказал билет на завтрашнее утро, думал сегодня вечером заехать повидать А Юя, но... в общем, сегодня я останусь здесь. Уж потрудишься, «младший», передать А Юю пару слов от меня, ладно?

Шэнь Сиянь, сделав вид, что не заметил намёка в словах Се Биньюя, продолжал, получив выгоду, ещё и прикидываться простачком:

— Пятый дядя, что вы такое говорите? Я с радостью услужу.

Се Биньюй безнадёжно ткнул пальцем в Шэнь Сияня, пробормотал что-то себе под нос вроде «ну его», и наконец сказал:

— Передай А Юю: не нужно быть слишком строгим к себе. Во всём нужна мера. Чрезмерная твёрдость приводит к тому, что легко сломаться. Отец он...

— Се Биньюй покосился на Се Вэя, а когда снова посмотрел на Шэнь Сияня, в его глазах появилась тень сложных чувств: — Да ладно. Сяо Янь, не нужно передавать эти слова. Какое я

имею право так говорить? Просто «с жиру бешусь», стоя на месте и рассуждая.

— Почему вы так говорите?

— Шэнь Сиянь нахмурился, тщательно подбирая слова: — Пятый дядя, вы родной дядя А Юя. Как у вас может не быть права?

Се Биньюй с горечью в голосе, с тенью сожаления в глазах ответил:

— Как раз потому, что я дядя А Юя, у меня и нет права.

Эти слова Се Биньюй произнёс полунамёками, не договаривая. Но стоило немного сопоставить факты, и становилось ясно, что его мучает. Говорят, у творческих людей мозги устроены не так, как у всех, они тонко чувствуют. Шэнь Сиянь сегодня убедился в этом воочию.

Шэнь Сиянь протянул Се Биньюю мизинец и, улыбаясь, подбодрил его:

— А Юй вовсе не такой... чувствительный, как вы. Его это не заденет. И откуда вам знать, что принятие «Жуйцзэ» не было для А Юя лучшим выбором? Пятый дядя, вы избегаете разговоров о «Жуйцзэ» и семье Се, а вдруг А Юй именно этого и добивался?

— Он снова развёл руками: — Так что, пятый дядя, откуда вам знать, что это не лучшее решение, уготованное небесами?

Слова Шэнь Сияня звучали разумно, но на этот раз Се Биньюй не согласился, покачав головой со сложным выражением лица:

— Это другое. Даже если так, я всё равно виноват перед А Юем. Виноват — и точка.

Шэнь Сиянь остро почувствовал нечто необычное:

— Пятый дядя, с чего это вы так?

Се Биньюй взглянул на лежащего в кровати Се Вэя, затем снова посмотрел на Шэнь Сияня, толкнул дверь и вышел из комнаты. На свежем воздухе, у изумрудно-зелёного озера Цуйху, когда лёгкие наполнились чистым воздухом, то гнетущее чувство немного отпустило.

Се Биньюй, не отрывая взгляда, смотрел на какую-то точку на озере:

— Мой отец... он слишком требователен. Вернее, после того как несколько моих братьев и сестёр один за другим погибли в разных несчастных случаях, мой отец уже сломался. Та самая

«чрезмерная твёрдость, что приводит к слому».

Шэнь Сиянь понимал лишь наполовину, но не прерывал Се Биньюя, выступая в роли внимательного слушателя.

— Много лет назад. Помню, в старшей школе я провалил один пробный экзамен. Он едва не переломал мне ноги. Я пролежал в карцере целый месяц, прежде чем смог встать с кровати, и только через три месяца полностью выздоровел.

— На губах Се Биньюя появилась горькая усмешка: — Я тогда кипел от злости. Дни в карцере — не то чтобы беспросветные, но почти как мёртвые. Карцер был тесным и душным, только одно маленькое разбитое окошко, заколоченное досками, пропускало немного света. Еда и сон по расписанию, даже в туалет под присмотром — почти как заключённый. Я не понимал, зачем отец это делал, но тогда у меня не было сил сопротивляться.

Се Биньюй вспоминал по крупицам:

— Отец требовал от меня строго. Стоило мне хоть чуть-чуть не оправдать его ожиданий — сразу следовало домашнее наказание... то есть плеть-дисциплинатор. В процессе ты должен был быть одет в белую одежду, потому что он хотел, чтобы ты постоянно оставался в сознании, чтобы ты тонко чувствовал, как твоя чистая белая одежда на спине пропитывается и окрашивается алым. Отец делал так, потому что говорил: только пережив это на собственной шкуре, ты в будущем не совершишь таких низких ошибок.

Се Биньюй наконец посмотрел прямо на Шэнь Сияня и, чеканя каждое слово, произнёс:

— Он пытался разбить меня вдребезги, а потом пересоздать заново.

Сказав это, Се Биньюй сел на скамейку под деревом у озера Цуйху:

— Смутно помню, как однажды, выйдя из карцера, я, лёжа на кровати, весь изломанный от боли, А Юй на цыпочках прокрался в мою комнату и, словно фокусник, вытащил из-за пазухи горсть леденцов. Положил их у моей кровати и сказал мне: «Дядя, съешь их, и боль пройдет». Интересно, о чём он тогда думал?

Шэнь Сиянь улыбнулся, тоже присаживаясь на скамейку, и естественно подхватил нить разговора:

— Может, А Юй в детстве посмотрелся мультиков и решил, что эти леденцы — волшебные пилюли. Съешь — и боль пройдет.

Се Биньюй на мгновение остолбенел, а потом с опозданием осознал, что Шэнь Сиянь, возможно, был прав.

— Я был самым младшим в семье. Братья и сёстры один за другим уходили из жизни. Всё это должен был принять я. Но тогда я не понимал, хотел только сбежать. И в канун подачи заявлений на вступительные экзамены в вуз я ушёл. Пусть меня поймали и продержали в постели целый год, но я не жалею.

— Се Биньюй, прищурившись, вспоминал, речь его текла медленно: — Я жалею только о том, что взвалил всё это на А Юя. Ведь ему тогда было всего пять или шесть лет. Но если скажу, что, уходя, не предполагал такого исхода, — это будет ложь. В конце концов, из огромной семьи Се остались только мы с А Юем. Но я струсил. Моё желание сбежать тогда перевесило всё остальное.

— Пятый дядя.

— Шэнь Сиянь тихо окликнул его. Когда Се Биньюй повернулся к нему, он спросил: — Если бы вам дали ещё один шанс, вы бы снова ушли?

<http://bllate.org/book/16107/2087656>